

УДК 343.976

***КОЛЛИЗИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В
МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ***

Яровая К.Р.¹

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия*

Степуков К.М.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия*

Аннотация: Статья посвящена анализу коллизионного регулирования права собственности в международном частном праве. Рассматривается классический принцип *lex rei sitae* (закон места нахождения вещи), его историческое развитие, преимущества и недостатки. Исследуются проблемы применения данного принципа, включая *conflict mobile*, особенности регулирования вещей в пути и имущества, подлежащего регистрации. Анализируется международно-правовая унификация в данной сфере, делается вывод о сохранении *lex rei sitae* в качестве основного коллизионного начала при наличии тенденций к поиску новых подходов.

Ключевые слова: международное частное право, право собственности, коллизионное регулирование, *lex rei sitae*, вещные права, *conflict mobile*, вещи в пути, регистрация имущества.

¹ *Научный руководитель: Яковлев В.И., доцент кафедры гражданского права и процесса, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия*

Yakovlev V.I., Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

***COLLISION ISSUES OF PROPERTY RIGHTS IN INTERNATIONAL
PRIVATE LAW***

Yarovaya K.R.

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

Stepukov K.M.

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

Annotation: The article is devoted to the analysis of the conflict of laws regulation of property rights in international private law. The classical principle of *lex rei sitae* (the law of the place of the thing), its historical development, advantages and disadvantages are considered. The problems of application of this principle, including *conflit mobile*, the features of regulation of things in transit and property subject to registration, are investigated. The international legal unification in this area is analyzed, and it is concluded that *lex rei sitae* remains the main conflict of laws principle, while there are trends towards the search for new approaches.

Keywords: international private law, property rights, conflict of laws, *lex rei sitae*, real rights, *conflit mobile*, things in transit, registration of property.

Право собственности выступает основополагающим элементом любого правопорядка, выполняя ключевую функцию в гражданско-правовой сфере и одновременно воздействуя на иные отрасли, включая международное частное право. Основой для разрешения споров между собственниками с участием иностранного элемента являются статьи 1205–1207, 1213 ГК РФ. Как отмечает И. В. Башлаков-Николаев и О. Е. Рязанова, «глобализация мирового хозяйства, сопровождающаяся усилением открытости национальных экономик, расширением трансграничных потоков капитала, товаров, услуг и рабочей силы, актуализирует

исследование права собственности. Эти процессы требуют переосмысления традиционных подходов к регулированию имущественных отношений, поскольку они выходят за рамки отдельных государств и формируют новые вызовы для правовой системы» [1].

Согласно позиции немецких правоведов Х. Коха, У. Магнуса и П. Винклера фон Моренфельса, «большое экономическое и практическое значение международного вещного права прекрасно иллюстрирует все возрастающая потребность в гарантиях кредитования (товарных и банковских кредитов) в трансграничном товарном и денежном обороте. Кроме того, часто встает вопрос о применимом праве, когда речь заходит о покупке недвижимости за границей или о торговле произведениями искусства» [2].

Вопросы коллизионного регулирования имущественных прав в международном частном праве характеризуются высокой степенью консерватизма, однако именно это обстоятельство создает ряд теоретических и прикладных проблем, требующих детального исследования. Вещно-правовой институт с трудом поддается унификации и гармонизации, что обусловлено прежде всего его фундаментальной ролью в обеспечении внутреннего гражданского оборота: в каждом правопорядке он отражает уникальные особенности исторического пути развития и национальные правовые традиции.

Правовая коллизия представляет собой объективно существующее явление, обусловленное особенностями частноправовых отношений, при котором возникает потенциальная возможность регулирования конкретного правоотношения нормами материального права двух и более государств, что способно повлечь за собой неодинаковое разрешение одного и того же вопроса. Устранение данной коллизионной проблемы выступает ключевой целью международного частного права.

В основе исследуемого раздела международного частного права лежит классический коллизионный принцип *lex rei sitae* (*lex situs*), отсылающий к правопорядку места фактического нахождения имущества. Французские ученые И.

Луссуарн и П. Бурель обращают внимание на то, что «в отличие от определения личного статута, которое представляет собой поле боя между национальным законом и законом домициля, в зависимости от того, какого мнения придерживается то или иное государство, реальный статут подобных противоречий не вызывает» [3].

В современном международном частном праве основным регулятором коллизионных имущественных отношений является принцип *lex rei sitae*, которым фактически является право государства на местонахождение собственности. Общепринятый в теории и практике цивилизованных правовых порядков подход позволяет определить: может ли вещь быть объектом юридического господства, её принадлежность к категории движимого или недвижимого имущества, правила возникновения, перехода и прекращения прав на неё, а также объём этих прав и ограничения по их реализации.

В российском праве ст. 1205 ГК РФ содержит прямое указание на то, что право собственности и иные вещные права на недвижимое и движимое имущество определяются по праву страны, где это имущество находится. Причём согласно положениям вступившей в законную силу с 1 ноября 2013 г. ст. 1205.1 ГК РФ на основании коллизионной привязки *lex rei sitae* определяются также виды объектов вещных прав, в том числе принадлежность имущества к недвижимым или движимым вещам, оборотоспособность объектов вещных прав, виды вещных прав и их содержание, возникновение и прекращение вещных прав, в том числе переход права собственности; осуществление и защита вещных прав.

Зарождение принципа *lex rei sitae*, по мнению исследователей, произошло в рамках статутарной теории, построенной на идее территориального разграничения законодательных полномочий при регулировании вещных отношений. Территориальный принцип, как пишет французский автор Д. Гутманн, связан с признанием за иностранцами их прав в пределах территории того или иного государства [4].

Сформировавшийся в доктрине подход основывался на разработке автономных

коллизионных правил для различных типов гражданских правоотношений. В сфере вещно-правового регулирования главенствующее положение занял принцип *lex rei sitae*, который изначально применялся исключительно к недвижимости. Правовой режим движимого имущества определялся правилом «движимость следует за лицом» (*mobilia personam sequuntur*), то есть подчинялся личному закону владельца или обладателя вещи.

Правило о подчинении движимых вещей личному закону собственника нашло отражение в крупных европейских кодификациях XIX столетия — Прусском земском уложении 1794 г., австрийском и итальянском гражданских уложениях (1811 и 1865 гг.). Данный подход просуществовал примерно до середины XIX в., после чего область его действия существенно сузилась, охватывая преимущественно наследственную массу движимого имущества и отношения супругов по поводу собственности.

Г. К. Дмитриева называет три ключевые причины пересмотра прежнего подхода: во-первых, неизвестен его контрагенту; во-вторых, сведениями о праве государства проживания другой стороны; в-третьих, лицо нередко имеет место жительства сразу в нескольких странах. Совокупность этих факторов осложняет разрешение имущественных конфликтов и создаёт препятствия для торгового оборота [5].

Принцип подчинения движимого имущества личному закону подвергался обоснованной критике. Вехтер, Савиньи и А.Н. Макаров указывали на его неопределенность: оставалось неясным, о чем именно личном законе идет речь — собственника, владельца или иного управомоченного лица, а также какой закон применять при споре двух лиц с различным личным статутом.

Т.С. Любарская указывает на ряд преимуществ, благодаря которым коллизионная привязка *lex rei sitae* получила повсеместное распространение в правовых системах различных государств [6]:

1. Достоверность записей в реестрах. Принцип требует проверки титула только по праву страны места нахождения имущества, освобождая покупателей от необходимости анализа иностранного права.

2. Обеспечение прав кредиторов и третьих лиц. В большинстве юрисдикций данное правило гарантирует защиту интересов добросовестных приобретателей и поддерживает устойчивость имущественного оборота.

3. Коммерческая прозрачность. Как отмечал М. Вольфф, что «вещные права должны быть явными настолько, насколько это возможно; любые третьи лица, которые намереваются приобрести права на вещь, должны быть защищены против риска того, что такое имущество может быть предметом регулирования иностранного права, согласно которому соответствующая сделка может быть признана недействительной» [6].

4. Территориальный характер *lex rei sitae* обусловлен принципом государственного суверенитета, в силу которого любое имущество, находящееся в границах определенной страны, подлежит юрисдикции исключительно данного государства и регулируется его национальным правопорядком.

5. Простота применения. Легкость определения физического местонахождения вещи обеспечивает быстрое установление применимого права.

6. Определенность. Заранее известное применимое право соответствует ожиданиям участников оборота.

Отдельные исследователи придерживаются иной позиции, полагая, что применение *lex rei sitae* не позволяет в полной мере отразить специфику регулируемых отношений и зачастую оказывается неадекватным способом коллизионного выбора. Я. Бакстер в свое время отмечал, что *lex rei sitae* получил особое признание не в связи со своими особыми достоинствами, но, скорее, в силу «исторически накопившихся многократных повторений поверхностных аргументов учеными и судьями» [6].

М. Хэнкок утверждал, что уверенность в том, что одним принципом можно урегулировать все возможные коллизионные вопросы, возникающие в отношении

вещных прав, определенно является «атавизмом юридической мысли» [6]. Он полагал невероятным заблуждением устоявшиеся представления о том, что одной норме нужно слепо следовать даже в тех случаях, когда ее применение неминуемо приведет к тяжелым, крайне неблагоприятным последствиям, ради определенности, простоты, единообразия и симметричности права.

Ключевая проблема применения *lex rei sitae* связана с феноменом *conflit mobile* (мобильного конфликта). Поскольку движимые вещи по своей природе способны перемещаться, возникает ситуация, при которой юридические условия перехода права собственности определяются по праву одного государства, но до завершения этого процесса вещь оказывается в другом государстве, чье право предписывает применять уже иной юридический состав для оценки возникших правоотношений.

В западной доктрине данное явление получило название «мобильный конфликт» (*conflit mobile*). Смысл данного явления состоит в установлении того конкретного этапа исполнения сделки, на котором произошла смена локации движимого имущества, и последующем пошаговом применении законодательства каждой страны, под юрисдикцией которой находился объект в соответствующий период его перемещения.

Практически во всех странах мира коллизионная формула *lex rei sitae* признается основополагающей в отношении прав и обязанностей на недвижимое имущество. Применительно же к движимому имуществу это правило не является таким безусловным [7].

Для законодательства многих государств характерно применение коллизионного принципа *lex rei sitae* к вещным правоотношениям в отношении как недвижимых, так и движимых объектов. Подобный подход закреплен в правовых системах Австрии, Бельгии, Венесуэлы, Германии, Греции, Италии, Португалии, Японии, а также в государствах Восточной Европы.

В государствах англосаксонской правовой семьи действие принципа *lex rei sitae* распространяется преимущественно на недвижимое имущество. В отношении движимых вещей здесь традиционно применяется особая система коллизионных

привязок, среди которых доминирующее положение занимает личный закон собственника (*lex personalis*). Вместе с тем в правовых системах указанных государств на протяжении последних десятилетий отчетливо проявляется последовательный курс на замещение критерия личного закона принципом местонахождения имущества. Лишь Аргентина и Бразилия сохраняют верность личному закону собственника, который остается доминирующим регулятором при рассмотрении любых имущественных конфликтов.

Особую сложность представляют сделки с товаром, находящимся в пути (*res in transitu*), когда стороны не могут точно определить его местонахождение. Для решения этой проблемы в МЧП используются различные привязки: закон места отправления, назначения, промежуточного пункта, флага транспортного средства. Российское законодательство в ст. 1206 ГК РФ закрепляет правило о применении права страны отправления имущества, если иное не предусмотрено законом.

Для имущества, подлежащего внесению в государственные реестры (воздушные, морские суда, космические объекты), п. 2 ст. 1206 ГК РФ устанавливает особый режим: право собственности определяется по праву страны регистрации. Возникшее по праву страны прежнего места нахождения вещи право собственности сохраняет свою силу и после перемещения объекта в государство, законодательство которого не предусматривает аналогичного способа его приобретения.

Принцип *lex rei sitae* закреплен в ряде международных соглашений, включая Минскую конвенцию 1993 г. и Модельный Гражданский кодекс для стран СНГ, что обеспечило его восприятие законодательством многих государств Содружества. Как отмечает В.В. Плеханов, «Институт вещных прав очень трудно поддается унификации и гармонизации. Связано это в первую очередь с тем, что, являясь основой внутреннего оборота, он несет в себе специфику исторического развития каждого правопорядка, его правовую традицию. Этим можно объяснить тот факт, что попытки международной унификации норм, касательно регулирования вещных прав в международном частном праве, до настоящего времени не привели к

значительным результатам. Исключение составляют лишь некоторые сферы, где регламентация вещных прав достигла определенных успехов: права в отношении морских судов, судов внутреннего плавания и самолетов, регулирование трастов, а также Конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования» [8].

Предпринятые в рамках Гаагской конференции по международному частному праву попытки разработать согласованные коллизионные правила, касающиеся смены собственника, оказались безрезультатными. Гаагская конвенция 1958 г., посвященная определению права, регулирующего передачу собственности в рамках международной купли-продажи, так и не обрела юридической силы. Последующие Гаагские конвенции 1955 и 1986 годов, хотя и унифицировали коллизионное регулирование международных продаж, ограничились исключительно обязательственно-правовой сферой, сознательно обойдя вопросы перехода титула собственности. Венская конвенция ООН 1980 г. также сознательно исключила из сферы своего действия вопросы перехода права собственности на реализуемые товары, ограничившись регламентацией исключительно договорных отношений сторон.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что коллизионное регулирование права собственности в МЧП сохраняет консервативность, опираясь на классический принцип *lex rei sitae*, который имеет глубокие исторические корни и общепризнан в большинстве правовых систем. Его преимущества — простота, определенность, территориальность и защита интересов третьих лиц — обеспечивают стабильность международного оборота.

Однако применение *lex rei sitae* сопряжено с проблемами, главная из которых — *conflict mobile* при перемещении движимых вещей через границы. Особые сложности вызывают вещи в пути и имущество, подлежащее регистрации, что требует специального регулирования.

Перспективы развития связаны с унификацией в отдельных сферах и поиском баланса между классическим принципом и новыми подходами (например, Дневник науки | www.dnevnikaui.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

критерий наиболее тесной связи). В обозримом будущем *lex rei sitae* сохранит роль основного коллизионного начала в сфере права собственности.

Библиографический список

1. Башлаков-Николаев И. В., Рязанова О. Е. Изменения в системе отношений собственности под влиянием глобализации мирового хозяйства. URL: <https://www.economicmgou.ru/jour/article/view/614>
2. Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П. Международное частное право и сравнительное правоведение / Пер. с нем. Ю.М. Юмашева. - М.: Международные отношения, 2003. С. 194.
3. Осояну Н. Г. Коллизионный принцип *lex rei sitae* как основа регулирования правоотношений собственности в международном частном праве Российской Федерации и Республики Молдова // Актуальные проблемы российского права. 2007. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollizionnyy-printsip-lex-rei-sitae-kak-osnova-regulirovaniya-pravootnosheniy-sobstvennosti-v-mezhdunarodnom-chastnom-prave-rossiyskoy>
4. Gutmann D. Droit international prive (4e edition). Paris: «DALLOZ», 2004. P. 161.
5. Международное частное право. Учебник / Под ред. Г.К. Дмитриевой. М.: Проспект, 2001. С. 275.
6. Любарская, Т.С. Коллизионная привязка к местонахождению вещи для определения права, применимого к вещным правам: достоинства и недостатки / Т.С. Любарская // Закон. – 2016. – № 8. – С. 48–61. URL: <https://base.garant.ru/57234297/>
7. Коллизионные вопросы права собственности // Правовой портал «Правопорядок» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oprave.ru/?p=49751>
8. Плеханов В. В. Некоторые общие вопросы регулирования вещных прав в международном частном праве // Актуальные проблемы российского права. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-obschie-voprosy-regulirovaniya-veschnyh-prav-v-mezhdunarodnom-chastnom-prave>